

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТЫЙ

Москва
2019

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТЫЙ

МОСКВА
№ 3/2019

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

ТРУДЫ
SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED SEVENTEEN

MOSCOW
№ 3/2019

УДК 33
ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2019
© The Free economic society of Russia, 2019

ISBN 978–5–94160–202–5
ISSN 2072–2060

Содержание

- 25** **НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
21-я экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России на тему: «Национальные проекты социальной политики: как реализовать приоритеты?»
- 28** **А.Г. Аганбегян**
Для выхода из стагнации нужны коренные изменения
- 40** **С.Д. Бодрунов**
Национальные проекты и социальная политика
- 50** **О.Н. Смолин**
Национальный проект «Образование»: системные проблемы и возможные решения
- 72** **В.В. Иванов**
Проблемы организации научных исследований в России
- 77** **В.Н. Бобков**
Теоретико-методологические подходы к разрешению противоречий национальных целей и национальных проектов
- 100** **А.Г. Вишневский**
Демография в национальных проектах: как определить приоритеты?
- 120** **Г.Б. Клейнер**
Реформа системы социального регулирования в России и приоритеты развития трудовых коллективов предприятий
- 137** **А.Е. Городецкий**
Национальные стратегические задачи и экономическая безопасность
- 159** **М.В. Ершов, Е.Ю. Соколова**
О важности дополнительных стимулов для экономического роста

ДЕМОГРАФИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ: КАК ОПРЕДЕЛИТЬ ПРИОРИТЕТЫ?¹

DEMOGRAPHY IN NATIONAL PROJECTS: HOW TO DETERMINE PRIORITIES?

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

Директор Института демографии
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
д.э.н., профессор

A.G. VISHNEVSKY

Director of the Institute of Demography,
National Research University «Higher School
of Economics», Doctor of Economic Sciences,
Professor

¹ Статья представляет собой расширенный текст выступления на XXI экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества «Национальные проекты социальной политики: как реализовать приоритеты?» 26 апреля 2019 г., подготовленного на основе исследований Института демографии НИУ ВШЭ, выполняющихся в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется выбор приоритетов национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение» в той части, в какой они касаются решения демографических проблем России. Показано, что эти приоритеты не вполне соответствуют национальным демографическим целям, в частности цели увеличения численности населения страны. В системе выбранных приоритетов не представлен один из трех главных демографических процессов – миграция. Вызывает сомнение иерархия приоритетов деятельности, направленной на увеличение продолжительности жизни, среди них отсутствует такой важный компонент, как борьба со смертностью от внешних причин, и недостаточно артикулирована первостепенная важность борьбы со смертностью от болезней системы кровообращения. В национальном проекте «Демография» большое место отводится мерам поддержки семей с детьми, что может рассматриваться как важный социальный приоритет, однако демографическая значимость таких мер невелика.

ABSTRACT

The article analyzes the choice of priorities of the national projects «Demography» and «Healthcare» in that part in which insofar as they relate to solving Russia's demographic problems. It is shown that these priorities do not quite correspond to national demographic goals, in particular, to the goal of increasing the population of the country. One of the three main demographic processes, migration, is not represented in the system of selected priorities. The hierarchy of priorities of activities aimed at increasing life expectancy is dubious because among them there is no such an important component as combating mortality from external causes and insufficiently articulates the primary importance of combating mortality from circulatory system diseases. In the national project «Demography» a large place is given to support measures for families with children, which can be considered as an important social priority, but the demographic significance of such measures is small.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальные проекты, демографические цели, демографические приоритеты, численность населения, ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость, смертность, миграция.

KEYWORDS

National projects, demographic goals, demographic priorities, population size, life expectancy, fertility, mortality, migration.

Любые приоритеты существуют не сами по себе, а лишь с учетом целей, на которые направлены те или иные действия. Система национальных проектов, включающая 12 проектов, к которым позднее был добавлен комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, ориентирована на достижение целей, сформулированных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «**О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года**». Среди этих целей есть и демографические. Главные из них — увеличение численности населения страны, обеспечение его устойчивого естественного прироста, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году — до 80 лет), увеличение коэффициента суммарной рождаемости до 1,7.

В этой статье речь идет не о достижимости этих целей, а лишь о том, насколько им соответствует система приоритетов, выстроенная в национальных и входящих в них федеральных проектах, в первую очередь в НП «Демография» и «Здравоохранение», которые в основном и должны обеспечить реализацию поставленных в Указе Президента демографических целей.

10 мая 2006 г., выступая с президентским Посланием Федеральному Собранию РФ и говоря «о самой острой проблеме

современной России — о демографии», Президент РФ Путин сказал, что «для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое — снижение смертности. Второе — эффективная миграционная политика. И третье — повышение рождаемости» [Послание 2006]. Такое распределением приоритетов совершенно верно отражает как остроту каждой из проблем, так и реальные возможности их решения.

Рождаемость в России ниже, чем хотелось бы, но по уровню рождаемости Россия не выпадает из ряда развитых стран. В то же время весь мировой опыт, накопленный за сто лет, свидетельствует, что добиться значительного эффекта с помощью мер пронаталистской демографической политики не удалось никому.

Совершенно иначе обстоит дело со смертностью. Россия давно и очень сильно отстает от многих стран по продолжительности жизни. Когда в 2014 г. В. Путин объявил, что «в глобальном рейтинге здравоохранения Россия впервые признана благополучной страной» и вошла в число стран с самой высокой продолжительностью жизни (70 лет и выше) [Послание 2014], то он не сказал, что при этом Россия замыкала список из 53 таких стран. Согласно тому же рейтингу, Россия тратила на охрану здоровья меньше, чем большинство из них, но все же по затратам отставание было меньшим, чем по результатам, что свидетельствует о низкой эффективности затрат.

Далеко не все благополучно у нас и с миграцией, во всяком случае с точки зрения понимания ее места в системе приоритетов демографической политики.

Рассмотрим приоритеты решения «самой острой проблемы современной России», как они отражены в системе национальных проектов, придерживаясь при этом той по-

следовательности рассмотрения, которая была обозначена в президентском послании 2006 г. Почти все относящиеся к этой проблематике вопросы сосредоточены, как уже было сказано, в двух из 12 национальных проектов — «Демография» и «Здравоохранение».

СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ

По показателям смертности и продолжительности жизни Россия очень сильно отстает от большинства развитых и даже от части развивающихся стран, чей опыт свидетельствует, что повышение продолжительности жизни — задача вполне решаемая.

Примерно до середины 1960-х годов продолжительность жизни в России увеличивалась, а ее отставание от благополучных западных стран уменьшалось. Но затем начался период стагнации и даже сокращения продолжительности жизни в России, а ее отставание от западных стран, к которым присоединилась Япония, стало нарастать. После кратковременного улучшения ситуации в конце 1980-х годов произошло резкое падение продолжительности жизни в России, а ее устойчивый рост начался только в 2004 г. и продолжается до сих пор, соответственно, сокращается и ее отставание от других стран. Тем не менее оно еще очень велико (рис. 1).

За 2004–2017 гг. продолжительность жизни мужчин выросла на 9 лет, женщин — на 5,8 года. Это успех, но его следует оценивать с оговорками. Из 13 лет роста 6 лет у женщин и 10 лет у мужчин **ушло на то**, чтобы просто вернуться к предыдущему максимуму продолжительности жизни 1987 года, который, в свою очередь, мало отличался от максимума середины 1960-х годов. **Соответственно, на фоне почти по-**

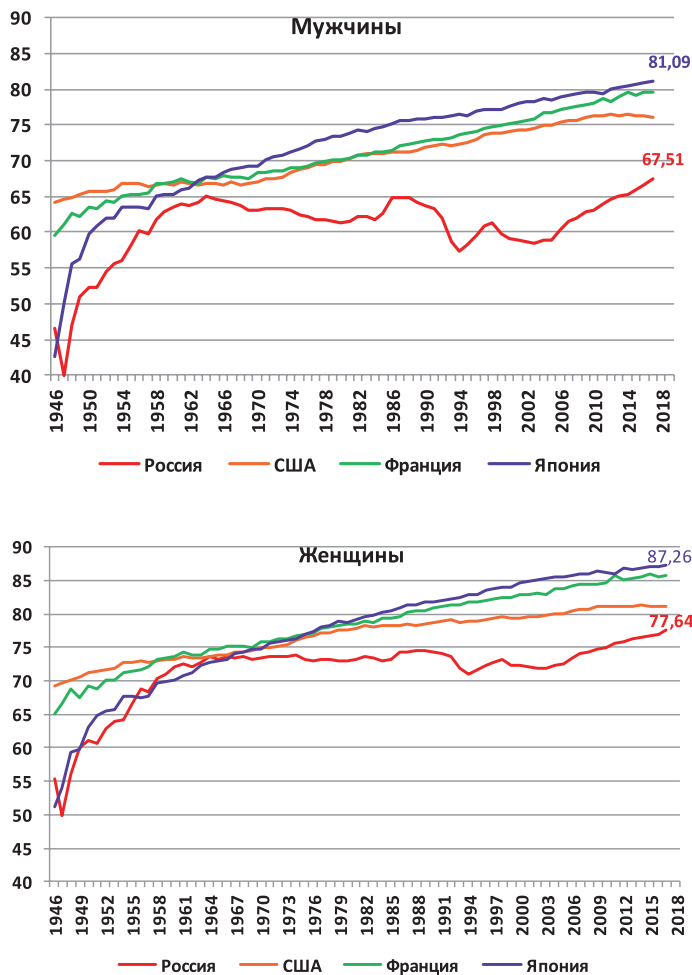

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, США, Франции и Японии, 1960–2016, лет.

Источник: База данных Демоскопа Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php>.

лувекового периода стагнации чистый рост идет всего 8 лет у женщин и 4 года у мужчин. Сейчас очень важно закрепить и усилить благоприятную тенденцию, и представляется обоснованной концентрация приоритетных усилий на этом направлении.

Но есть самостоятельный вопрос о разумном распределении этих усилий и имеющихся ресурсов между различными подцелями, достижение которых позволит в кратчайшие сроки достичь общей цели — дальнейшего роста продолжительности жизни. Это распределение естественным образом диктуется ролью тех причин смерти, чье действие в наибольшей степени тормозит достижение этой цели в России и в то же время с наибольшей вероятностью может быть если и не полностью устранено, то весьма существенно ограничено, поставлено под контроль. На подавление этих причин и должны быть направлены первоочередные усилия.

Опыт стран, достигших высокой продолжительности жизни, указывает на то, что ее уровень в решающей степени зависит именно от структуры причин смерти. Эта структура все еще архаична в России, так как она не прошла этапа «второй эпидемиологической революции» и не обеспечила достигнутого за последние полвека во многих странах значительного снижения смертности от болезней системы кровообращения (так называемая «кардиоваскулярная революция») и от внешних причин смерти [Вишневский, Школьников 1997; Вишневский 2014]. Именно эти две группы причин в решающей степени определяют затянувшееся отставание нашей страны в росте продолжительности жизни, и в то же время именно снижение смертности от этих двух групп причин обеспечило ее рост в России после 2003 г. (табл.1).

Таблица 1

Вклад снижения смертности от различных групп причин смерти в рост ожидаемой продолжительности жизни в России в 2003–2015 гг.

	Мужчины		Женщины	
	В годах	В %	В годах	В %
Все причины смерти	7,42	100,0	5,00	100,0
В том числе:				
Болезни системы кровообращения	2,92	39,4	3,36	67,2
Новообразования	0,31	4,2	0,19	3,8
Внешние причины	2,89	38,9	1,04	20,8
Остальные причины смерти	1,61	17,5	0,60	8,2

Источник: [Население России 2016, с. 316].

Казалось бы, борьба за дальнейшее снижение смертности от сердечнососудистых заболеваний и внешних причин и должна стать приоритетной задачей в период реализации национальных проектов (до 2024 г.), да и в дальнейшем: за 5–6 лет добиться полного решения этой задачи едва ли удастся. Но сейчас в национальных проектах приоритеты расставлены иначе.

О первой по значению группе причин смерти, а именно о болезнях системы кровообращения, в национальном проекте «Здравоохранение» говорится довольно много. Однако если судить о подлинных приоритетах по распределению финансовых ресурсов, то предпочтение отдано борьбе не с причинами этой группы — на нее выделяется всего 4,4% затрат на национальный проект «Здравоохранение». В то же время больше половины всех затрат — 56,2% — предполагается израсходовать на борьбу с онкологическими заболеваниями (табл. 2).

Таблица 2

Финансовые приоритеты национального проекта «Здравоохранение»

	млрд руб.	%
Создание единого цифрового контура	177,6	10,3
Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи	62,5	3,6
Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями	75,2	4,4
Развитие детского здравоохранения	211,2	12,2
Развитие экспорта медицинских услуг	0,2	0,0
Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий	63,9	3,7
Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами	166,1	9,6
Борьба с онкологическими заболеваниями	969,0	56,2
Всего	1725,7	100,0

Не отрицая важности борьбы с онкологическими заболеваниями, нельзя не видеть, что ее вклад в повышение продолжительности жизни россиян не может быть большим. И общая логика формирования этого показателя, и опыт всех стран, добившихся высокой продолжительности жизни, свидетельствуют о том, что на современном этапе реальный и многократно опробованный путь к этому результату — «кардиоваскулярная революция», и именно осуществление этой революции должно стать главным приоритетом любых программ, направленных на преодоление недопустимого отставания России от десятков опередивших ее стран.

Вторая же по значению группа причин смерти — внешние причины — в национальных проектах «Демография» и «Здравоохранение» вообще не упоминается. Лишь в **На-**

ациональном проекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги» обозначена задача снижения смертности от ДТП². Это, конечно, важная задача, но, говоря о приоритетах, нельзя не напомнить, что смертность от ДТП — лишь часть проблемы смертности от внешних причин, ДТП ответственны примерно за 10% смертей от причин этого класса. За 2010–2016 гг. от ДТП в России погибло 134,5 тыс. человек, а только от самоубийств — 198,3 тыс. Всего же от внешних причин смерти за это время умерло 1327 тыс. человек [Демографический ежегодник]. Без очень значительного снижения этого вида смертности рассчитывать на быстрый рост ожидаемой продолжительности жизни не приходится.

Понятно, что борьба с этими причинами, которые включают в себя самоубийства, убийства, ДТП, алкогольные отравления и т.д. — задача не только Министерства здравоохранения, курирующего соответствующий национальный проект. Однако когда речь идет о национальном, а не ведомственном проекте, межведомственные перегородки должны отойти на второй план, и национальные цели — в данном случае снижение смертности и повышение продолжительности жизни населения России — должны рассматриваться в их целостности, в противном случае поставленная задача никогда не будет решена.

Роль миграции

Второй в «списке Путина» демографический процесс — миграция.

² Непонятно, почему ей не нашлось места в НП «Здравоохранение». Позиция ВОЗ: «Дорожно-транспортный травматизм — одна из важнейших проблем мирового здравоохранения». «Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма» [ВОЗ 2004, с. 3].

В советское время Российская Федерация долгое время выступала, скорее, как поставщик мигрантов, имела отрицательное сальдо в миграционном обмене с другими бывшими республиками СССР. Положение стало меняться с середины 1970-х годов, когда число въезжающих в РСФСР стало превышать число выезжающих. За 16 лет (1975–1990) миграционный прирост населения России (порядка 2,7 млн человек) сравнялся с миграционной убылью за предшествующие 20 лет (1955–1974) [Вишневский 2013, с. 199].

В полной мере значение притока мигрантов в Россию обозначилось только после распада СССР и появления в 1992 г. отрицательного естественного прироста населения России. С тех пор население России стагнирует с тенденцией к сокращению.

За 26 лет (1993–2018) было только 9 лет, когда население России росло (2009–2017), но рост был небольшим — и также в основном за счет миграции (при небольшом естественном приросте). С 2016 г. возобновилась естественная убыль населения, она стала нарастать, а миграционный прирост одновременно снижался и в 2018 г. уже не смог компенсировать естественную убыль. Население России снова стало сокращаться (рис. 2).

На начало 2019 г. население России оценивается в 146,8 млн человек (без Крыма — 144,4 млн), но, как видно из табл. 3, даже и этот далеко не блестящий результат был достигнут лишь благодаря миграции, — без нее положение было бы намного хуже. Естественная убыль за весь период с 1992 г. была на 70% компенсирована иммиграцией. Общая убыль населения за 1992–2018 гг. составила 4,1 млн человек, без миграции потери составили бы 13,6 млн.

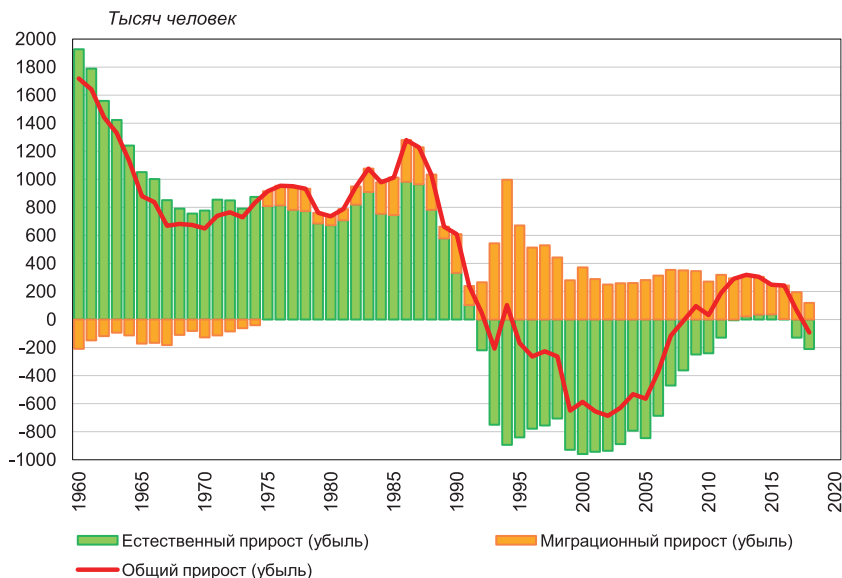

Рис. 2. Компоненты прироста населения России, тыс. человек.

Источник: [Демографический ежегодник].

Таблица 3

Естественный, миграционный и общий прирост населения России за 1992–2018 гг., тыс. человек

Годы	Естественный прирост (убыль), тыс. человек	Миграционный прирост (убыль), тыс. человек	Общий прирост (убыль), тыс. человек
1992–2000	-6830,4	4619,3	-2211,1
2001–2009	-6174,8	2704,7	-3470,1
2010–2018	-610,6	2215,3	1604,7
1992–2018	-13615,8	9539,3	-4076,5

Остановить или хотя бы замедлить сокращение России в обозримой перспективе может только иммиграция, и ее мас-

штабы должны быть достаточно большими. Имеется оптимистический вариант демографического прогноза Росстата 2018 г. [Росстат], который предполагает увеличение численности населения России к 2035 г. до 153 млн человек. На наш взгляд, этот вариант искусственно занижает естественную убыль населения, тем не менее и он исходит из того, что единственным источником роста населения будет миграция, объемы которой должны нарастать, превысить после 2027 г. 400 тыс. человек в год и в целом за 2018–2035 гг. составить 6,7 млн человек. Согласно же более реалистическому «среднему» варианту прогноза Росстата только компенсация естественной убыли без всякого прироста населения России до 2035 г. потребует приема свыше 7 млн иммигрантов, т.е. в среднем 400 тыс. человек в год [Росстат]. Следует подчеркнуть, что это должна быть постоянная иммиграция. Временная миграция «гастарбайтеров», отвечая на запросы рынка труда, демографических проблем страны не решает. (Для сравнения: в США с 2000 г. статус постоянных резидентов получили почти 19 млн человек). [Yearbook... 2017, Table 1].

Приток в страну иноязычных, инокультурных, иноверующих мигрантов — сложный и небезболезненный, возможно, и небезопасный процесс. Его следует контролировать уже на начальных стадиях, в частности, квотируя приток мигрантов по странам выхода. Скажем, едва ли желателен значительный приток на российский Дальний Восток мигрантов из Китая. В любом случае, прогнозируя иммиграцию, связанную с преодолением большей культурной дистанции, необходимо планировать и меры, направленные на исключение связанных с ней социальных и культурных напряжений.

Как бы ни были важны формальные процедуры выдачи разрешений на проживание в стране, получения граждан-

ства и т.п., центральное место должно быть отведено работе по полноценному включению мигрантов в жизнь российского общества и освоению его ценностей. Такая работа должна быть ориентирована не только, а, может быть, даже и не столько на интеграцию самих мигрантов, сколько на встраивание в российское общество их детей через обучение их в российских учебных заведениях и, в более широком смысле, через их всестороннюю социализацию в условиях России. В целом нужна продуманная и обеспеченная финансированием программа привлечения, приема и интеграции иммигрантов в российский социум. Разработка и реализация такой программы должны занять место среди главных приоритетов страны, но в системе национальных проектов эти задачи не получили никакого отражения.

ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ

На третьем месте в перечне задач, стоящих в связи с необходимостью решения «самой острой проблемы современной России», в «списке Путина» 2006 г. указана задача повышения рождаемости.

В соответствии с Указом от 7 мая 2012 г. № 606 Правительство должно было обеспечить к 2018 году повышение коэффициента суммарного рождаемости до 1,753. В действительности этот показатель вырос с 1,582 в 2011 г. до 1,777 в 2015 г., но затем упал — до 1,762 в 2016 г. и до 1,621 в 2017 г., что существенно ниже целевого показателя 1,753. В майском Указе Президента 2018 г. планка СКР снижена до 1,7, и этот же показатель принят в Нацпроекте «Демография».

Цель удержания коэффициента суммарной рождаемости к 2024 г. на уровне 1,7 рождения на женщину, несмотря на заметное падение показателя в последние годы, не пред-

ставляется недостижимой. Не исключено, что он вернется и к уровню 1,8. Россия движется в том же направлении, что и многие другие страны, прошедшие пик падения коэффициента суммарной рождаемости, связанного с перестройкой ее возрастной модели, после чего показатель снова стал повышаться и во многих из них достиг уровня 1,7–1,8 рождения на одну женщину (рис. 3).

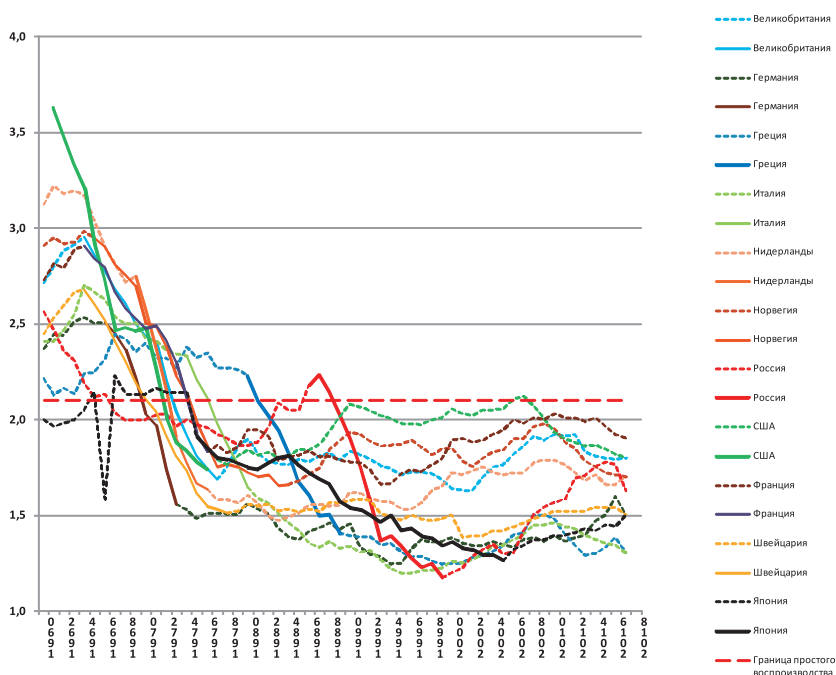

Рис. 3. Крутое падение коэффициента суммарной рождаемости в некоторых странах, обусловленное перестройкой возрастной модели рождаемости, и его последующее полное или частичное восстановление (периоды падения выделены сплошной линией).

Источник: База данных Демоскопа.

Падение показателя в России, имевшее такую же природу, что и в других странах, было усугублено кризисными явлениями 1990-х годов. Отчасти поэтому последующий рост был здесь более крутым, но свой вклад могли внести и меры активной пронаталистской политики, в частности, материнский капитал. Не исключено, что искусственное ускорение роста коэффициента суммарной рождаемости после 2006 г. стало причиной его заметного снижения после 2015 г., — установки людей на число детей не изменились, но родители выполнили свои планы досрочно.

Важны, однако, не эти конъюнктурные колебания сами по себе, а то, что в России, как и во всех развитых странах, они происходят на уровне, существенно более низком, чем уровень простого воспроизводства населения. Многочисленные попытки предотвратить падение рождаемости ниже этого уровня или возвратиться к нему после того, как такое падение уже произошло, предпринимались и предпринимаются во многих весьма благополучных с точки зрения уровня и качества жизни странах на протяжении многих десятилетий, но они нигде не дали результата. Не ставится такая задача и в России. Коэффициент суммарной рождаемости, обеспечивающий простое воспроизводство населения, в современных условиях составляет примерно 2,1, тогда как соответствующий целевой показатель в Указе Президента и в национальном проекте «Демография» — 1,7. Понятно, что достижение этого показателя не может сколько-нибудь заметно изменить общую демографическую ситуацию в России. Учитывая, что нетто-коэффициент воспроизводства населения в России опустился ниже уровня простого замещения еще в середине 1960-х годов, а в терминах реальных поколений не воспроизводят себя женские поколения,

начиная с поколений 1910 года рождения [Демографическая модернизация 2006, с. 480], рассчитывать на устойчивый естественный прирост населения России в ближайшие десятилетия нет оснований.

Помощь семьям с детьми, в том числе и с использованием таких инструментов, как материнский капитал, может рассматриваться как один из приоритетов социальной политики, ориентированной на уменьшение неравенства, борьбу с бедностью и т.п. Однако относить ее к приоритетным задачам демографической политики, направленной на существенное изменение демографической ситуации в стране, скорее всего, неверно. Большого демографического эффекта она дать не может.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Население России, как и любой страны, формируется в результате взаимодействия трех главных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции. Если принять, как это сделано в **Указе** Президента РФ от 7 мая 2018 г., в качестве одной из главных **стратегических целей развития России** увеличение численности ее населения, то необходимо стремиться к тому, чтобы ход каждого из трех названных процессов соответствовал этой главной цели. Этим же соображениям должен быть подчинен и выбор приоритетов. Анализ национальных проектов показывает, что сейчас эти требования не всегда выполняются.

Один из главных изъянов заключается в практически полном отсутствии в национальных проектах темы миграции, что не позволяет судить не только о том месте, какое ей отводится в системе приоритетов национальных целей и стратегических задач, но даже и о том, в чем заключаются приоритеты управления самой миграцией.

Недостаточно четко определены и приоритеты борьбы за снижение смертности и повышение продолжительности жизни. Они не в полной мере учитывают первостепенную важность борьбы с теми причинами смерти, которые обуславливают нынешнее отставание России по продолжительности жизни от большинства развитых стран. Это относится в первую очередь к внешним причинам смерти, о которых в «национальном проекте «Здравоохранение» даже не упоминается. О недостаточно обоснованном выборе приоритетов говорит и распределение ресурсов, выделяемых на реализацию национального проекта «Здравоохранение». Представители Министерства здравоохранения постоянно подчеркивают приоритетность борьбы с онкологическими заболеваниями, хотя основные и вполне реальные резервы роста связаны со снижением смертности от болезней системы кровообращения.

Что касается приоритетов, на которые ориентируется национальный проект «Демография» и которые интерпретируются как меры по повышению рождаемости, то в основном это меры социальной политики, способствующие улучшению материального положения и социального самочувствия семей с детьми. Seriously повлиять на демографическую ситуацию в стране они не могут. Они вполне вписываются в систему социальных приоритетов, но их едва ли следует рассматривать как приоритетные меры по улучшению демографической ситуации.

Библиографический список

1. ВОЗ. 2004. Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 280 с.
2. База данных Демоскопа, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php>.

3. Вишневский А.Г. Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-политические последствия // Россия в глобальной политике. 2013, т. 11. Специальный выпуск: 199–208.
4. Вишневский А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014, 4: 6–40.
5. Вишневский А.Г., Школьников В.М. Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия. Научные доклады Московского Центра Карнеги, вып. 19. — М., 1997, 84 с.
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. — 608 с.
7. Демографический ежегодник России. Статистический сборник. Росстат. (За разные годы).
8. Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Отв. редактор С.В. Захаров. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
9. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г.
10. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г.
11. Росстат. Демографический прогноз до 2035 г. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# Обновлено 03.10.2018.
12. Yearbook of Immigration Statistics: 2017. Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, 2017. <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2017/table1>.

List of References

1. VOZ. 2004. Vsemirnyj doklad o preduprezhdenii dorozhno-transportnogo travmatizma. М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2004. 280 s.
2. Baza dannyh Demoskopa, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php>.

3. Vishnevskij A.G. Mifologija i zhizn'. Migracija v Rossii: ee vosprijatie i social'no-politicheskie posledstvija // Rossiya v global'noj politike. 2013, t. 11. Special'nyj vypusk: 199–208.
4. Vishnevskij A.G. Smernost' v Rossii: nesostojavshajasja vtoraja jepidemiologicheskaja revoljucija // Demograficheskoe obozrenie. 2014, 4: 6–40.
5. Vishnevskij A.G., Shkol'nikov V.M. Smernost' v Rossii: glavnye gruppy riska i priority dejstvija. Nauchnye doklady Moskovskogo Centra Karnegi, vyp. 19. M., 1997, 84 s.
6. Demograficheskaja modernizacija Rossii, 1900–2000. Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. — 608 s.
7. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. Statisticheskij sbornik. Rosstat. (Za raznye gody).
8. Naselenie Rossii 2016. Dvadcat' chetvertyj ezhegodnyj demograficheskij doklad. Otv. redaktor S.V. Zaharov. M., Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018.
9. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 10 maja 2006 g.
10. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 4 dekabrja 2014 g.
11. Rosstat. Demograficheskij prognoz do 2035 g. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# Obnovleno 03.10.2018.
12. Yearbook of Immigration Statistics: 2017. Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, 2017. <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2017/table1>.

Контактная информация:

Вишневский Анатолий Григорьевич

E-mail : avishnevsky@hse.ru